DOI: 10.17976/jpps/2015.02.05

НУЖНА ЛИ РОССИИ ДВУХПАРТИЙНОСТЬ?

К.В. Симонов

СИМОНОВ Константин Васильевич, кандидат политических наук, первый проректор, зав. кафедрой прикладной политологии Финансового университета при правительстве РФ. Для связи с автором: ksimonov@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 02.12.2014. Принята к печати: 29.12.2014

Статья подготовлена в рамках совместного проекта с Институтом социально-экономических и политических исследований по изучению возможности использования двухпартийной модели в российских условиях

Аннотация. Эволюция российской политической системы на современном этапе определяется поиском модели, способной обеспечить сохранение и устойчивость имеющихся институтов и при этом добиться повышения уровня политической конкуренции. Одним из возможных путей решения этой задачи может стать формирование двухпартийной модели, в рамках которой победитель выборов получает полноту власти, необходимую для реализации его политического курса, однако наличие сильной оппозиции выступает фактором, сдерживающим авторитарные тенденции. Автор полагает, что несмотря на сложившиеся стереотипы, двухпартийная система вполне применима к российским реалиям. В статье анализируются основные вызовы, стоящие перед российской политической системой, преимущества двухпартийности, западный опыт применения двухпартийной модели. Особое внимание уделяется мифам о двухпартийности.

Ключевые слова: двухпартийная система, политическая система, избирательная система, выборы, политический режим, политическая конкуренция, элита.

Сегодня Россия находится в стадии настройки своей партийно-политической системы, поиска ее оптимальной конфигурации. На этом этапе принципиально важно верно выстроить стратегические приоритеты и четко им следовать, отказавшись от соблазна простых решений, которые только на первый взгляд сулят быстрые и более очевидные политические дивиденды.

В российском общественно-политическом дискурсе уже сложился запрос на повышение конкурентности фактически однопартийной политической системы, где подавляющая часть элиты состоит в партии "Единая Россия", доминирующей как в Федеральном Собрании, так и в подавляющем большинстве региональных заксобраний, а прочие парламентские партии отказались от реального оппонирования и выполняют преимущественно декоративную роль, будучи озабочены прежде всего получением гарантий прохождения в следующую Думу и региональные парламенты, а также доступа к государственному финансированию. Эти партии не только не выполняют интеллектуальной функции поиска и нахождения новых ходов в государственной политике, но даже не способны обеспечить артикуляцию позиции протестного электората в рамках законодательства.

Однако еще опаснее то, что "Единая Россия" начинает утрачивать политическую мобильность: слабая политическая конкуренция атрофирует у элиты стремление к развитию, порождая конформизм и политическую мимикрию. Одни и те же лица кочуют из партии в партию – из КПСС в "Демократический выбор России", затем в "Наш дом – Россия", в "Единство", а затем

и в "Единую Россию". При этом сегодня многие члены "Единой России" не имеют желания отстаивать ее позиции, ожидая, что вместо нее возникнет новая партия, куда и нужно будет вовремя перебежать.

Не стоит также забывать, что даже самая профессиональная и популярная партия неспособна преодолеть проблему психологической усталости населения от одной политической силы. Можно провести параллель с гастрономией: если постоянно есть одно, даже самое вкусное блюдо, рано или поздно наступит пресыщение. Так же и в политике возникает "эффект Верещагина" – персонажа популярного фильма, который настолько пресытился черной икрой, что уже не мог ее есть.

Доминирование "Единой России" вызывает определенное раздражение у части общества, особенно у жителей крупных городов, недовольных как состоянием политического предложения, так и монополизацией власти. Конечно, речь не идет о том, чтобы политическая реформа проводилась только в угоду этой социальной группе. Но все же запрос на рост конкуренции существует, и это нужно учитывать. Если не думать о технологическом решении этой проблемы, недовольство будет выплескиваться и в митинговой активности, которую не удастся полностью погасить ужесточением законодательства и процедур проведения публичных акций, а также в протестном голосовании, что уже наблюдалось на региональных выборах 2013 г. На выборах московского мэра в сентябре 2013 г. второй тур оказался вполне реальным вариантом развития событий. Другой пример – победа на выборах мэра Петрозаводска "яблочницы" Г. Ширшиной, неожиданная даже для нее самой. Мы видим голосование на местных выборах "от противного": люди голосуют не столько за позитивную программу оппозиционного кандидата, сколько против "Единой России".

Ориентация на несистемные политические действия и протестное голосование – опасное для России явление. И не только с точки зрения возможной потери "Единой Россией" доминирующих позиций, а прежде всего из-за вероятности появления во власти деструктивных элементов, способных запустить механизм разрушения всей системы. Или, иными, словами, стать детонатором коллапса властного механизма и государства в целом. Отказ от эволюционного сценария в пользу революционного несет огромные риски. Но однопартийная модель в долгосрочном периоде только повышает такую угрозу.

Трагизм ситуации еще и в том, что даже если революция не завершится развалом страны, в самом лучшем случае она лишь приведет к воспроизводству нынешней системы в худшей вариации. Не секрет, что российская оппозиция, на словах выступающая за рост политической конкуренции, на самом деле весьма авторитарна по своим установкам: ее победа приведет лишь к еще большему "закручиванию гаек" и систематическим гонениям на оппонентов. Даже так наз. *либерально-демократическая оппозиция*, считающая себя сторонницей западных политических ценностей, неоднократно доказывала свою склонность к абсолютно репрессивному стилю управления государством. Достаточно вспомнить, что в начале 1990-х многие сегодняшние яростные борцы за демократию открыто призывали отменить политические свободы ради проведения радикальных либеральных экономических реформ. А использование танков для роспуска парламента в 1993 г. оправдывали по-

литической целесообразностью. Увы, требование демократизации политической системы является для оппозиционеров не жизненным кредо, а лишь технологией прихода к власти – с последующим усилением авторитарности в политике.

Представляется, что одной либерализации партийной системы и возврата прямых выборов глав субъектов федерации для решения этих проблем недостаточно: России необходима не абстрактная "демократизация", а выстраивание новой политической системы. Ключевой задачей здесь должно стать обеспечение реального роста политической конкуренции одновременно с созданием механизмов, препятствующих получению власти несистемными радикалами, способными разрушить государство. На наш взгляд, *как раз двухпартийность оптимальным образом позволяет достигнуть искомого результата*. Во-первых, в подобной системе исключен приход к власти маргинальных и радикальных партий, что придает ей стабильность. Принятие решений в парламенте облегчается отсутствием постоянных противоречий между множеством мелких партий. Во-вторых, она позволяет сохранить сильную исполнительную власть, необходимую для реализации масштабных экономических и социальных проектов – победитель получает всю полноту власти, необходимую для имплементации своей стратегии. В-третьих, решается проблема "политических временщиков": профессиональные политические партии в рамках такой системы имеют качественную систему рекрутирования, не допускающую к членству в них лиц, чьей главной мотивацией выступает личное обогащение.

Таким образом, ключевыми характеристиками двухпартийности выступают к*онкуренция, невозможность прихода к власти несистемных сил, солидный объем полномочий партии-победительницы, не ведущий при этом к соблазну длительной узурпации власти*.

Безусловно, мы не претендуем на оригинальность относительно идеи построения двухпартийности в России – такие мысли высказывались неоднократно, и даже в советское время[1]. В настоящей статье мы ставим задачу развеять основные предубеждения относительно двухпартийности, объяснить преимущества такого проекта и рассмотреть примеры его реализации.

Небезызвестно, что несмотря на перспективность подобной системы, в России она имеет довольно большое количество противников. Их главный аргумент заключается в том, что двухпартийность ведет к поляризации, расколу общества и элит и чуть ли не к гражданской войне. Можно выделить два основных лагеря противников двухпартийности: это сторонники подлинной многопартийности и адепты реальной однопартийности.

Последние настаивают на том, что элиты должны быть сплочены в единую партийную структуру – в противном случае в России резко обострится межэлитный конфликт, а власть потеряет управляемость. Представляется, что на деле риск политического хаоса и гражданской войны повышает как раз такая схема, а вовсе не двухпартийность. В современных условиях в течение дли-

[1] Можно найти упоминания (хотя и не подтвержденные документально) того, что Н. Хрущев за несколько месяцев до своей отставки предлагал создать две партии – рабочую и крестьянскую [см. напр. Млечин 2004]. Как бы то ни было, в советский период эта идея не получила проработки. После распада СССР действующая власть предпринимала ряд попыток пойти на выборы двумя колоннами, однако все они оказались неудачными.

тельного времени удерживать доминирование одной партии крайне сложно; власти неизбежно придется прибегнуть к использованию административного ресурса или даже прямым подлогам на выборах – а это прямой путь к росту раздражения и, в конечном итоге, к публичным протестам, способным привести к драматичной развязке.

Многопартийность же чревата другими проблемами – нестабильными коалициями, отсутствием возможности для реализации четкого политического курса из-за постоянной необходимости искать компромиссы, выхолащивающие намеченные изменения. Если же предположить, что экономика войдет в зону турбулентности, многопартийность в России превратится в синоним безвластия. Формирование дееспособного правительства станет невозможным, кабинет министров постоянно будет вынужден оглядываться на популистские силы в парламенте, которые любыми способами будут мешать проведению необходимой для страны, но болезненной для ряда социальных групп экономической политики.

Многопартийность в российском варианте – это вовсе не сдержки и противовесы, а, скорее, паралич власти. Это ярко видно по 1990-м годам. Избиратель, "хлебнувший" многопартийности, в нулевые годы послал четкий запрос на восстановление управляемости страной, появление сильного политика во главе государства и сильной доминирующей партии в парламенте. Усталость от этого у части общества возникла уже потом. Поэтому реальная многопартийность – это замыкание в политическом цикле, когда запрос на конкуренцию сменяется запросом на "сильную руку". Иными словами, это сохранение пребывания в традиционной для России циклической модели "подмораживание – размораживание – подмораживание", которая не обеспечивает нормального и поступательного развития государства.

Отсутствие необходимого объема политических полномочий в руках одной политической силы несет прямой риск парализации всей российской системы управления, что в конечном итоге приведет к не менее печальным последствиям. Двухпартийность же позволяет формировать дееспособные органы власти, но при этом не дает впасть в соблазн авторитарности.

Интересно, что эксперты, пугающие двухпартийностью как шагом к расколу общества, ведая или не ведая, фактически полностью повторяют аргументы отцов-основателей США, вообще выступавших против института политических партий. Они считали партии лишь необходимым злом, порождающим конфликты, раздоры и смуты [Гаджиев 1995: 136]. В такой логике партии лучше вообще отменить, как и выборы: ведь это тоже конфликты. Однако выхолащивание состязательности приведет к еще более негативным последствиям ("Волков бояться – в лес не ходить"). Да, двухпартийность ведет к конфликтности, но принципиальным моментом является то, что все противоречия удерживаются в рамках самой системы, они органично ей присущи и не ведут к ее разрушению. А вот попытка "запихать" всю элиту в одну партию – это как раз путь пусть к отдаленным, но гораздо более масштабным и разрушительным конфликтам.

Главная угроза – риск неуправляемого и разрушительного межэлитного соперничества – снимается путем установления между элитами простых негласных правил игры. Две партии договариваются друг с другом, что победа одной силы не означает автоматического уничтожения другой. Это позволяет отказаться

от понимания политики как игры с нулевой суммой, где победа одного автоматически означает поражение другого.

Обе партии прекрасно понимают, что у них будет реальный шанс вернуться на вершину власти уже в следующем избирательном цикле. Таким образом, победитель получает все, но лишь на время. К тому же оппоненты представляют настолько грозную силу, что на их уничтожение понадобится слишком много ресурсов. Поэтому политическая борьба не выходит за обозначенные рамки. Победа воспринимается как возможность реализовать свою программу, а не как сигнал к подавлению оппонентов, а поражение – как возможность для перегруппировки сил, кадрового и интеллектуального обновления (ведь шанс на политический реванш будет предоставлен очень скоро). Это дает выгодное сочетание реальной конкуренции с относительной предсказуемостью и защитой от разрушения системы.

Для России вопрос перехода власти из рук в руки – один из важнейших. Отсутствие понимания этого процесса рождает огромное количество страхов и фобий. Отсюда и нежелание расставаться с властью, мотивированное неопределенностью политики нового руководителя, нестабильность прав собственности и страх начала передела активов при появлении нового государственного лидера.

Двухпартийность строится на консенсусе элит – они отказываются от истребления друг друга, воспринимая приход к власти не как сигнал к уничтожению соперников и не как временную возможность "припасть к бюджету" для личного обогащения. Такие установки заставляют пришедшую к власти элитную группу думать вовсе не о развитии страны, а о собственном выживании и о возможных вариантах отступления. Двухпартийность же – это ответственные элиты, понимающие, что бороться друг с другом до полного уничтожения контрпродуктивно. А получение власти расценивается как "окно возможностей" для реализации своего политического курса.

Выборы в итоге не превращаются в "последний бой", как в России. Поражение одной системной партии просто передает власть в руки другой системной партии. В России же действующая власть постоянно вынуждена держать оборону, и каждые новые выборы становятся судьбоносными. Это видно по стилистике: взять хотя бы президентскую кампанию 2012 г., проходившую по откровенно мобилизационному сценарию и фактически под лозунгами "либо мы, либо они", "не отдадим страну" и т.д. Выборы мэра Москвы в 2013 г. также были возведены в разряд судьбоносных – нельзя было отдать столицу оппозиции в лице А. Навального, который сумел сделать идею второго тура едва ли не символом началом развала политической системы. И действительно, трудно предсказать дальнейшее развитие событий, если бы второй тур все же состоялся. По крайней мере, попытки революционного сценария были бы вполне возможны.

Опыт большинства стран свидетельствует о том, что однопартийная модель может быть только временной схемой; в долгосрочном периоде она нуждается в модернизации, особенно если государство намерено придерживаться демократических принципов организации политической жизни. Все доминирующие партии из демократических стран "споткнулись" о проблему психологической усталости от них. К этому можно добавить и определенную инертность, всегда присущую большим партиям, отсутствие гибкости и неумение оперативно улавливать и реагировать на новые проблемы и вызовы.

Так, завершилось почти полувековое доминирование Институционно-революционной партии в Мексике. В прошлом столетии она сумела объединить властные структуры, военную элиту, профсоюзы. Однако итогом стал резкий рост коррупции, экономической отсталости, появление на территории страны огромных неконтролируемых правительством и фактически самоуправляемых территорий. Это и северная часть Мексики, где до сих пор господствуют наркокартели и где во многих городах государственная власть фактически отсутствует, и территории на юге страны ближе к полуострову Юкатан, где в джунглях штата Чьяпас действует так наз. *сапатистский проект,* получивший широкую известность благодаря восстанию субкоманданте Маркоса в 1994 г. До сих пор в него вовлечено значительное число населенных пунктов с суммарным населением порядка 100 тыс. человек, которые живут по своим законам и правилам и не подчиняются центральному правительству. В результате на первые роли вышла Партия национального действия, которую, в частности, представлял президент Мексики в 2006-2012 гг. Фелипе Кальдерон. И хотя на президентских выборах в 2012 г. вновь победил кандидат от ИРП Энрике Пенья Ньето, ни о какой монополии на власть уже речи не идет. Более того, Ньето получил на выборах менее 40% голосов, и только система "одного тура" позволила ему занять президентское кресло.

Еще более показательный пример – завершение многолетнего господства социал-демократической партии в Швеции, которую любили приводить в пример российские сторонники однопартийности. Социал-демократическая партия доминировала в Швеции в течение 70 лет, но этому периоду фактической однопартийности пришел конец: в нулевые годы партия стала проигрывать выборы, и власть перешла к правоцентристской коалиции.

Из демократических государств однопартийной остается Япония. Впрочем, и здесь есть несколько важнейших оговорок. Усталость характерна и для этой страны – об этом говорят результаты выборов 2009 г., когда доминировавшая с 1950-х годов Либерально-демократическая партия потерпела поражение от Демократической партии. Правда, на следующих выборах 2012 г. ЛДП вернула себе власть, что свидетельствует о том, что японское общество пока не готово к двухпартийности. В ЛДП действует система фракций, которые пытаются взять на себя функцию демонстрации политической конкуренции. Однако японскую систему нельзя назвать абсолютно стабильной, правительственные кризисы и смены правительств там давно стали нормой. Наблюдается и феномен абсентеизма – снижения явки на выборы, что говорит о разочаровании части общества в политической системе. При этом не стоит забывать, что Япония – это моноэтническая страна, где население имеет устойчивое негативное восприятие любого политического радикализма, ставшее по сути частью политической культуры, а значит борьба с радикальными политическими силами не нуждается в дополнительной технологической поддержке.

В остальном же однопартийность остается уделом авторитарных государств, большинство из которых представляют не слишком развитые страны Африки и Азии. Что же касается Китая, модель развития которого популярна среди некоторых российских экспертов, то в этой стране неизбежны политические проблемы, характерные для позднего СССР с его однопартийной системой. Они со всей яркостью проявят себя, как только экономические диспропорции в развитии КНР станут более очевидными.

Мировой опыт свидетельствует о высокой стабильности двухпартийных систем. Причем двухпартийность возможна не обязательно в жестком варианте, как это происходит в США, где ни одна из третьих партий не допущена в парламент, а третий кандидат не имеет никаких шансов на избрание президентом. Но и в США двухпартийность не означает запрета на остальные партии, что крайне важно. Американская модель предполагает создание таких политических механизмов, которые делают приход "третьей силы" к власти как минимум затруднительным. Остальные партии вытесняются на местный уровень. Делается это опять же для того, чтобы именно на федеральном уровне не было соблазна привести к власти популистский проект. Активность мелких партий сознательно направляется на региональный уровень, где они приносят гораздо больше пользы.

Американская двухпартийность обладает серьезным запасом прочности и возможностью к регенерации. Известны опросы американского населения, из которых следует, что оно в большинстве своем поддерживают идею создания третьей партии, однако представляется, что речь идет прежде всего о реакции на негативные экономические явления, наблюдающиеся в США. Споры вокруг бюджета и госдолга привели к тому, что население воспринимает ситуацию как паралич власти. Достаточно посмотреть на опросы компании Гэллап – осенью 2013 г. 60% американцев выступали за появление третьей партии, при этом за год перед этим таких было всего 45%, а в 2004 г. – 40%[2]. Всплеск недовольства пришелся именно на конец 2013 г., что имеет под собой вполне конкретное объяснение – произошедшее в этот период временное 16-дневное закрытие правительства (*shutdown*) и целого ряда государственных учреждений. Противостояние двух партий в Конгрессе поставило под угрозу возможность госзаимствований и выполнение внешних обязательств, однако Обаме удалось примирить демократов, выступавших против снижения затрат за счет сворачивания программ социальной поддержки, и республиканцев, выступавших за секвестирование бюджета и отмену налоговых льгот.

Таким образом, в истории с *shutdown* можно усмотреть не только конъюнктурные проблемы с качеством государственного управления в США, но и проявление политической культуры консенсуса – умения договариваться "на флажке", что также соответствует ожиданиям населения от поведения элит, которые в кинематографическом стиле находят выход из сложной ситуации буквально за несколько шагов до катастрофы.

У американской партийной системы есть серьезные возможности для "перезагрузки" без радикального реформирования вроде появления третьей партии в парламенте или президентском кресле. Прежде всего, элиты осознают риски, связанные с возможным обрушением экономики, и скорее всего, опасной черты не перейдут – в последний момент необходимые решения будут приниматься.

Ряд экспертов в последнее время уверяют, что США из-за двухпартийности оказались в ситуации радикальной поляризации элит и населения, что грозит обвалом политической системы [см. напр. Abramowitz 2010]. Такие оценки явно преувеличены. Наоборот, как раз двухпартийность и проду-

[2] In U.S., Perceived Need for Third Party Reaches New High. 2013. – *Gallup*. 11.10. URL: http://www.gallup.com/poll/165392/perceived-need-third-party-reaches-new-high.aspx (accessed 08.02.2014).

цирует варианты исправления ситуации. Существует возможность перегруппировки сил в рамках двух ведущих партий и перезапуска системы без ее радикального реформирования. Двухпартийность обладает серьезным потенциалом политической регенерации.

Американский опыт показывает эффективность двухпартийности и с точки зрения политических технологий. Речь идет о том, что двухпартийность позволяет выпускать пар – если ты недоволен исполнительной властью, ты можешь ее яростного критиковать, но всегда есть альтернатива. И это заставляет людей отказываться от массового выхода на площади и попыток запустить революционный сценарий[3]. Несистемная политика также присутствует – но в дозированном и неопасном для государства масштабе. Уличные акции и движения вроде *Occupy Wall Street* хороши для медиа и для демонстрации кажущейся демократичности, но совершенно не фатальны для системы. Ее такие протесты не поменяют и тем более не обрушат.

Интересно, что политологи, работающие в англосаксонской традиции математизации политического анализа, не раз пытались рассчитать уровень поляризации в двухпартийных системах. Например, можно встретить статьи, где доказывается, что поляризация действительно высока – но только в тех двухпартийных моделях, где число избирателей незначительно. Если же мы говорим про системы с большим по численности электоратом, то там двухпартийность гораздо более стабильна, а поляризация не носит деструктивного для системы характера [см. напр. Rozenas 2011][4]. Россия, безусловно, относится к странам с большим электоратом.

Двухпартийность возможна не только в жестком американском, но и в мягком британском варианте. Некоторые политологи, правда, уже спешат заявить о закате двухпартийности в Великобритании. Связано это с результатами выборов 2010 г. и формированием коалиционного правительства, однако в реальности такие умозаключения слишком поспешны. Коалиционное правительство далеко не первое в британской истории, и как раз мягкая двухпартийность в сочетании с парламентским режимом делает такую ситуацию не слишком драматичной. Более того, Британия сохраняет механизмы, которые и формируют двухпартийность. Прежде всего, это мажоритарная избирательная система. В 2011 г. в Великобритании даже прошел референдум о переходе на новую избирательную систему на национальных выборах – и жители однозначно высказались за сохранение мажоритарных выборов.

В континентальной Европе вроде бы доминируют многопартийные системы, но в реальности мы видим и там явные черты двухпартийности. Две

[3] В Интернете можно найти показательную шутку: в Америке есть отдельная партия жуликов и отдельная партия воров. Речь идет об известной кампании против "Единой России" на выборах в Думу в 2011 г. Тогда оппоненты партии пытались приклеить к ней прозвище "партия жуликов и воров". Партии оказалось непросто бороться с этим, и она приняла недовольство системой среди части избирателей на себя. Если бы мощных системных партий было две, они вышли бы из этой ситуации, фактически разделив это раздражение между собою. В итоге пар был бы выпущен, но система была бы выведена из-под удара.

[4] Есть, правда, публикации, которые все же показывают математическую возможность нестабильности в двухпартийных системах [см. напр. Colombo, Rinaldi 2008]. Тем не менее это лишь умозрительные математические модели, которые, по сути, говорят банальности языком цифр – очевидно, что риск дестабилизации есть в любой политической системе. Вопрос в степени вероятности наступления этого события, а в двухпартийных моделях она ниже, чем в других.

сильных доминирующих партии или коалиции есть в Германии, Франции, Испании. Более того, именно они порою удерживают систему от развала, гася рост популярности несистемных партий лево- и праворадикального толка. Экономические, социальные и демографические трудности носят настолько серьезный характер, что становятся чреваты запуском самых деструктивных сценариев. Система двух ведущих партий как раз демпфирует колебания в обществе, не давая ситуации пойти вразнос, что может привести к власти маргиналов и популистов.

Отметим, что двухпартийность и двухполюсность совершенно не должны строиться по географическому принципу. Хотя в США есть штаты, стабильно голосующие за демократов или республиканцев, они перемешаны, и страна географически не делится на две части – республиканскую и демократическую.

Возвращаясь к теме возможности сохранения в России фактически однопартийной системы, не стоит забывать, что модель доминирующей партии требует наличия сильного публичного лидера. При этом происходит замыкание на него всей системы принятия решений и, соответственно, закладывается стратегическая проблема сохранения стабильности после его ухода из власти. В условиях авторитарной модели как раз партия и обеспечивает спокойный транзит. Другое дело, что авторитарная система нежизнеспособна в длительных исторических интервалах. А в демократической системе риски хаотизации при уходе сильного политика возрастают. В России возникновение такой проблемы неизбежно, пусть и не в ближайшие годы. Но если думать о развитии политической системы на длительную перспективу, этот момент обязательно нужно иметь в виду.

Наличие фигуры В. Путина во главе государства позволит современной системе функционировать без серьезных сбоев еще какое-то время. Но все же нужно моделировать развитие ситуации и с учетом более длительных временных горизонтов. Выбор Путиным преемника не сработает – этот сценарий эффективен, только если сам Путин находится рядом, как это было в 2008-2012 гг. В противном случае совершенно реальной становится "оранжевая революция" в том или ином виде. Другой вариант – межэлитные войны за наследство Путина, также с довольно неясными перспективами.

В настоящий момент сложились удачные условия для формирования двухпарийной системы. В. Путин мог бы выступить системообразующим элементом, гарантом отказа элитных групп от войны на уничтожение. Две партии должны строиться не по принципу "за и против Путина", но аккумулировать разные точки зрения на ключевые вопросы социально-экономического развития – тем более не секрет, что российская элита не едина по ряду тем. Однако сегодня власть боится продемонстрировать эти разногласия. Единственно верным решением в данной ситуации было бы придание им публичности, статуса политической нормы, что позволило бы превратить межклановые теневые разборки в публичные споры двух политических партий.

Гаджиев К.С. 1995. *Политическая наука*. М.: Международные отношения. 400 с.
Млечин Л.М. 2004. *"Железный Шурик"*. М.: ЭКСМО, Яуза. 496 с.

Abramowitz A. 2010. *The Disappearing Center: Engaged Citizens, Polarization and American Democracy*. New Haven: Yale University Press. xi, 194 p.

Colombo A, Rinaldi S. 2008. Chaos in Two-party Democracies. – *International Journal of Bifurcation and Chaos*. Vol. 18. No. 7. P. 2133-2140.

Rozenas A. 2011. Constituency Size and Stability of Two-party Systems. – *Journal of Theoretical Politics*. No. 23 (3). July. P. 344-358.

DOI: 10.17976/jpps/2015.02.05

DOES RUSSIA NEED A BIPARTISAN SYSTEM?

K.V. Simonov[1]

[1]*Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow, Russia*

SIMONOV Konstantin Vasilevich, Cand. Sci. (Pol. Sci.), First Deputy Rector, Head of Department for Applied Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia. Email: ksimonov@mail.ru

Received: 02.12.2014. Accepted: 29.12.2014

Acknowledgements. The article was prepared in the framework of a joint project with the Institute for Socio-Economic and Political Research on the prospects of bipartisan political system in Russia

Abstract. Evolution of Russian political system on its current stage is characterized by search for a model capable of preserving and maintaining stability of its institutions, as well as achieving higher levels of political competition. This problem could be solved by forming a bipartisan model under which, from the one side, the winning party gains the full authority for implementation of its policy; from the other side, strong opposition serves as a factor containing authoritarian tendencies. In the author's opinion, despite the stereotypes, bipartisan system can be formed in Russia. The author analyzes key challenges of Russian political system, advantages of a bipartisan system, Western experience of bipartisanship.

Keywords: bipartisan system; political system; electoral system; elections; political regime; political competition; elite.

References

Abramowitz A. *The Disappearing Center: Engaged Citizens, Polarization and American Democracy*. New Haven: Yale University Press. 2010. xi, 194 p.

Colombo A, Rinaldi S. Chaos in Two-party Democracies. – *International Journal of Bifurcation and Chaos*. 2008. Vol. 18. No. 7. P. 2133-2140.

Gadzhiev K.S. *Politicheskaya nauka* [Political Science]. Moscow: International Relations. 1995. 400 p. (In Russ.)

Mlechin L.M. *"Zheleznyi Shurik"* ["Iron Shurik"]. Moscow: Eksmo. Yauza. 2004. 496 p. (In Russ.)

Rozenas A. Constituency Size and Stability of Two-party Systems. – *Journal of Theoretical Politics*. 2011. No. 23 (3), July. P. 344-358.